

УДК 340.12:115

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS105562>

Правовое время в философско-правовом измерении

А.В. Скоробогатов¹, А.В. Краснов²¹ Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЗУП), Казань, Россия² Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань, Россия

Аннотация. Исследование посвящается категории правового времени, которая призвана раскрыть особенности функционирования и развития временных характеристик права как динамического явления правовой реальности.

Актуальность тематики обусловлена принципиальной спецификой правового времени в соотношении с другими проявлениями времени, необходимостью определения его места и роли в правовой реальности, с учетом восприятия всех правовых процессов как протяженных во времени и пространстве.

Авторы ставят цель — формирование научно обоснованных знаний о сущности, содержании и видах правового времени как социального конструкта.

Методологически статья основана на синтезе социологической феноменологии и интегративного правопонимания, что позволяет рассмотреть правовое время в категориальном и содержательном отношении на различных уровнях правовой реальности.

Как категория философии права, правовое время рассматривается в статье через призму правовой коммуникации, в ходе которой происходит конструирование и функционирование этой категории. Правовое время проявляется как в горизонтальной, так и вертикальной правовой коммуникации.

Как социальный конструкт, правовое время характеризуется периодом, темпом и вектором, которые раскрываются в его свойствах. Правовое время характеризуется предельностью в хронологических рамках; непрерывностью, предполагающей преемственность и изменения главным образом количественного характера; цикличностью, в сочетании с действием диалектического закона отрицания отрицания; фрактальностью, которая предполагает учет как внутренних, так и внешних факторов, включая ситуативный и стратегический анализ; неравномерностью происходящих в правовой реальности процессов; интенсивностью, определяющей темп правовой коммуникации и интенциональностью, определяющей временную направленность правовой коммуникации.

Правовое время исследуется авторами хронологически как границы соответствующих правовых актов и процессов; темпорально как восприятие и интерпретация правовых явлений с точки зрения их направления и последовательности; концептуально, с точки зрения наиболее абстрактного восприятия времени и направленности происходящих в правовой реальности процессов в контексте правового бытия в целом.

Ключевые слова: правовое время; правовая реальность; правовая коммуникация; социальный конструктивизм; феноменология права; интегративное правопонимание.

Как цитировать:

Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Реформы и реформаторы. Правовое время в философско-правовом измерении // Российский журнал правовых исследований. 2022. Т. 9. № 2. С. 21–34. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS105562>

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS105562>

Law time in Philosophical and Legal Research

A.V. Skorobogatov¹, A.V. Krasnov²

¹ Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasova (IEML), Kazan, Russia

² Kazan branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russia

ABSTRACT: Research is devoted to the category of law time, which is urged to unveil features of functioning and development of temporary characteristics of the law as the dynamic phenomenon of law reality.

The relevance of the subject lies in the basic specifics of time in law and the definition of the place and role of time in law, in the context of law processes.

The purpose of this research is the formation of evidence-based knowledge of the essence, contents, and types of law time as a social construct.

The methodology is based on a synthesis of sociological phenomenology and integrative law consciousness that allows a consideration of law time in the categorial and substantial relation at various levels of law reality.

In the category of philosophy of law, law time is considered in this article through a prism of law communication during which there is a designing and functioning of this category. Law time is shown in horizontal and vertical law communication.

As the social construct, the period, speed, and a vector, are used, which reveal the properties and characteristics of law time. Law time is characterized by its limitation in a chronological framework; the continuity assuming continuity and changes mainly of quantitative character; recurrence, in combination with operation of the dialectic law of denial of denial; fractality, which assumes the accounting of both internal and external factors, including both the situational, and strategic analysis; unevenness occurring in the law reality of processes; by intensity, which determines the pace of law communication; and by intentionality, which determines the temporal orientation of law communication.

Law time is investigated by the authors chronologically as limits of the relevant law acts and processes; temporal as perception and interpretation of the law phenomena from the point of view of their direction and sequence; conceptually, from the point of view of the most abstract perception of time and an orientation of the processes happening in law reality in the context of law being in general.

Keywords: law time; law reality; law communication; social constructivism; phenomenology of law; integrative law consciousness.

To cite this article:

Skorobogatov AV, Krasnov AV. Law time in philosophical and legal research. *Russian journal of legal studies*. 2022;9(2):21–34.

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS105562>

ВВЕДЕНИЕ

Правовая реальность как сложноорганизованная многоуровневая система правовых феноменов развивается и функционирует в определенном пространственно-временном континууме (социокультурном хронотопе), определяющем не только ее онтологию, но и аксиологию. Несмотря на тесную взаимосвязь и взаимообусловленность пространства и времени в рамках хронотопа, именно временные характеристики в значительной степени определяют особенности конструирования правовой реальности. Это обуславливает необходимость самостоятельного исследования категории времени в правовом аспекте.

Анализ исследований и достижений

Проблемы взаимосвязи права и времени неоднократно ставились во главу угла при исследовании правовой реальности. В западной науке «временной (темпоральной) поворот» произошел в 1970-х гг. и был обусловлен смещением исследовательской проблематики на глобальные проблемы (R. Hassan). Англоязычные и германоязычные авторы, обратившись к исследованию времени в праве на основании постклассической методологии, отмечают, что временные элементы, такие как непрерывность, неоднородность или различие между прошлым, настоящим и будущим, являются необходимыми условиями для придания смысла и значения правовым нормам, их интерпретации и применения (A. Thier). Поэтому большое внимание в законодательстве уделяется нормированию времени, приданию его действию нормативного характера (T.D. Rakoff). При этом отмечается, что закон достаточно часто не соответствует своему времени, запаздывает. Эта проблема особенно актуализируется в условиях технических и технологических трансформаций, требующих увеличения темпов законодательного реагирования на произошедшие в «обществе ускорения» изменения (L. Corrias, L. Francot). Отдельного внимания заслуживают работы последних лет, посвященные критическому осмыслению правовой реальности на основе интеграции юридического и социокультурного подхода. Применительно к проблеме взаимодействия права и времени в этом ключе написана монография М. Вальверде (M. Valverde), которая исследовала хронотопы права в контексте семиотической методологии М.М. Бахтина. Кроме того, нужно отметить ряд работ украинских авторов, посвященных темпоральным характеристикам права (И.Г. Оборотов) и изучению времени в правовом измерении (О.В. Пушняк).

В отечественной юридической науке к отдельным аспектам проблемы взаимосвязи права и времени ученые обратились в 1970-е гг. Прежде всего, необходимо отметить идеи В.К. Бабаева и З.М. Черниловского о преемственности в праве; Г.И. Петрова и П.М. Рабиновича о необходимости использования темпоральных категорий

при изучении права; В.М. Мешкова о присутствии в развитии правовых явлений длительности и последовательности.

В силу господства нормативного правопонимания проблема роли времени в развитии права преимущественно исследовалась по отношению к праву в объективном смысле. Пристальное внимание в последние десятилетия было уделено временным аспектам действия права в плане нормативного регулирования, распространения юридической силы норм на определенные отрезки времени, которое влечет за собой юридические последствия. Необходимо выделить работы, посвященные содержанию (Л.В. Афанасьева, В.И. Гойман, С.Ю. Марочкин) и механизму действия права (В.А. Ленчик, Р.А. Максимов), где затрагивался и темпоральный аспект этого явления, а также исследования, специально изучающие действие юридических норм или источников права во времени (Д.Н. Бахрах, М.А. Капустина). При этом к темпоральной проблематике обращались не только ученые-теоретики, но и представители отраслевых наук (В.Г. Голубцов, М.Г. Решняк, Г.С. Скачкова, А.О. Якушев).

Особое внимание в правовой науке обращается на вопросы сроков в праве. Исследования проводятся в отраслевых науках и касаются сроков как юридических фактов в целом (А.А. Архипов, А.З. Долова, А.А. Карташов, О.В. Кузакова, С.В. Люминарская); сроков действия прав (Л.Г. Вострикова, К.М. Гаврилов, М.Я. Кириллова, П.В. Крашенинников); сроков в праве (С.В. Маликов); процессуальных сроков (И.М. Алексеев, А.С. Дугенец, Л.Ю. Зуева).

Однако категория «время» применительно к правовой реальности носит не только практический, но и теоретический характер. Это обусловило появление фундаментальных исследований этой категории, рассматривающих ее в широком социокультурном контексте и пытающихся выявить ее значимость для правовой жизни. К группе таких теоретических разработок следует отнести работы, в которых рассматривается темпоральная репрезентация правовой реальности (Е.Ю. Догадайло), специфика взаимодействия пространства и времени в правовой системе (Т.Л. Тенилова), временные характеристики развития правовых культур (О.В. Игнатьева), переживание времени в правосознании (О.Ф. Смазнова), процесс, протяженность и содержание непрерывных изменений правовой жизни (И.В. Волк), фактор времени в юридической деятельности (Ю.А. Кондрашов), сущность правопорядка как темпорального способа социального целеполагания (А.В. Павлов).

Попытки использовать философский подход к исследованию темпоральных аспектов развития права были предприняты С.В. Маликовым, использовавшим интегративную методологию, М.И. Пантыкиной, применившей феноменологическую методологию и А.В. Ствобой на основе онтологического подхода. Необходимо также отметить работы Ю.Ю. Ветютнева, посвященные исследованию правовых форм социального права.

Проведенный анализ показывает, что в философско-правовой и юридической литературе накоплен большой опыт исследования связи категорий права и времени и подготовлена не только эмпирическая, но и методологическая почва для комплексного изучения категории «правовое время», которая отражает последовательность и направленность бытия правовой реальности.

Методологической основой статьи выступает сформулированная А. Шюцем конструктивистская парадигма, позволяющая рассмотреть правовое время как социальный конструкт в контексте его формирования, развития и функционирования в правовой реальности; коммуникативный подход к правовой реальности, сформулированный в работах Ю. Хабермаса, дающий возможность рассмотреть правовое время в контексте темпоральных аспектов социального взаимодействия; а также обоснованный Р. Алекси интегративный подход к исследованию правовой реальности, ориентирующий на исследование этой категории как в целом, так и отдельных ее составляющих на основе использования синтеза классической и постклассической методологии.

Вышеизложенное позволяет определить цель статьи, которая состоит в формировании научно обоснованных знаний о сущности, содержании и видах правового времени как социального конструкта.

Правовое время как философско-правовая категория

Правовая реальность как особый автономный мир права характеризуется определенной логикой развития и функционирования, включающей в себя объективно-субъективные формы бытия права, динамические свойства которого отражает категория «правовое время», обеспечивающая преемственность, последовательность и протяженность правовой жизни человека и общества в определенном социальном пространстве.

Нам представляется, что правовое время, хотя и является частью социального времени [1], может рассматриваться как самостоятельная категория. Как философско-правовая категория правовое время представляет собой некоторую трансформацию, модификацию философского и общенаучного понятия времени с учетом особенностей объективных и субъективных процессов, протекающих в правовой реальности.

Несмотря на ограниченный научный интерес к проблеме правового времени, в отечественной юридической науке уже предпринимались попытки изучить не только содержание этого явления, но и дать его дефиницию. Так, И.В. Волк определяет правовое время как категорию, «отражающую процесс непрерывных изменений юридической жизни, в ходе которого возникают новые и исчезают ранее существовавшие правоотношения, юридические нормы и правовые акты, влияющие на становление и развитие юридической науки и практики» [2, с. 6].

Т.Н. Тенилова отмечает, что «правовое время выражает возникновение, продолжительность и окончание какого-либо юридического факта, нормы, состояния, процесса, явления, события; порядок их следования и интенсивность развития» [3, с. 10]. В противовес названным авторам Е.Ю. Догадайло считает нецелесообразным выделять правовое время в самостоятельную категорию. Однако данное ею определение времени в контексте правового развития («единичный интенционально-аперцептивный параметр, в соответствии с ним (в оценке и исчислении которого) юридические факты, юридические события и юридически значимые действия фиксируются, классифицируются, оцениваются во времени и формально определяются как темпорально связанные между собой, образующие прямые, опосредованные/косвенные или параллельные последовательности или взаимозависимости, обладающие иными прямыми или опосредованными, непосредственными или косвенными темпоральными связями в правовой системе» [4, с. 12]) позволяет также говорить о попытке определить содержание данной категории.

Несмотря на имеющиеся в науке определения правового времени, нам представляется необходимым дать собственную дефиницию, отражающую наши представления о роли этой категории в развитии и функционировании правовой реальности: *правовое время — это философско-правовая категория, выражающая период, темп и вектор правовой коммуникации.*

Как отмечено выше, правовое время выступает специфическим видом социального времени, не совпадающим с физическим временем, а лишь является способом его переживания [5, р. 16]. Оно носит intersubjective характер и способно конструироваться в процессе правовой коммуникации, на результат которой влияет образ мыслей ее участников. При этом возможна коммуникация как вертикального, так и горизонтального характера. В первом случае адресанты, в качестве которых выступают государство, референтные группы или отдельные акторы, транслирует адресату информацию об определенных хронологических границах и направленности правовых действий необходимых и достаточных для обеспечения и поддержания правопорядка, социальных и индивидуальных интересов граждан, а также пытаются определить возможную скорость реализации этих действий. Это обуславливает целенаправленность конструирования правового времени. Во втором случае правовое время выступает конвенциональным результатом ценностного взаимодействия адресантов (которые одновременно являются адресатами) по конструированию темпоральных пределов и вектора правовых действий, обеспечивающих достижение и поддержание бесконфликтного сосуществования сообщества, с которым себя идентифицируют субъекты коммуникации. Темп реализации таких действий, хотя и будет опосредован правовыми традициями и социальным правовым опытом группы, в меньшей

степени будет зависеть от внешних условий, в которых функционирует группа и осуществляется данное действие. Конструирование правового времени в этой ситуации будет в значительной степени носить ситуативный характер. Достижение гармонизации правовой реальности при этом возможно не только при достижении баланса правовых интересов различных социальных групп, но и максимально возможной синхронизации их правовой деятельности [6].

Содержание правового времени раскрывается через его свойства, в качестве которых мы выделяем: предельность, непрерывность, цикличность, фрактальность, неравномерность, интенсивность и интенциональность.

Предельность правового времени характеризует границы правовой коммуникации, наличие в этом процессе начала и завершения. Любое правовое взаимодействие, независимо от его характера и степени целенаправленности, предполагает протяженность во времени. Несмотря на непрерывность правовой коммуникации, ее конкретные акты имеют временные границы. Началом акта правовой коммуникации является появление правовой информации в сознании адресанта. В качестве завершения такого акта следует рассматривать усвоение правовой информации адресатом и конструирование на ее основе правового факта как фрагмента правовой реальности. При этом определяющим фактором intersубъективности конструирования является «темпоральная координация» [7, p. 155]. Предельность не следует связывать с такими юридическими конструкциями, как общие правоотношения (общерегулятивные и общеохранительные), которые могут показаться беспредельными. Даже такого рода правоотношения имеют момент формирования и завершения, однако они расставлены очень далеко по времени и могут существовать в течение всей жизни человека.

Непрерывность связана с постепенностью развития, изменением правовой реальности лишь количественно. Непрерывность выступает свойством правового времени в целом, хотя не исключает возможность прерывания течения юридических сроков, касающихся содержания правоотношения, реализации субъективных прав и юридических обязанностей. В целом же правовое время как философско-правовой феномен не прерывается. Даже качественные скачки в правовом развитии, которые характерны для периода революции, являются таковыми лишь в сознании наблюдателя при наличии у него определенной оценочной системы. Так, детальный анализ правового развития России в 1917–1921 гг. показывает, что новая правовая система имела тесную связь с предыдущей не только доктринально, но и нормативно [8]. Непрерывность правовой коммуникации реализуется благодаря учету правовых традиций и социального правового опыта. Это обеспечивает преемственность и гарантирует, что конструируемый государством или иным адресантом правовой массив является не только легальным,

но легитимным. Правовая инновация становится частью правовой системы без применения принуждения только при условии ее ценностной корреляции с национальной правовой традицией [9].

Ориентированность правовой коммуникации на непрерывность и ее тесная связь с правовой традицией предполагают, что для нее характерна *цикличность*. На новом витке социально-экономического, культурного и политического развития общества государство в лице референтных групп в процессе правовой коммуникации вертикальной направленности широко использует не только правовой опыт, но и прямо заимствует правовые конструкции (правовую информацию) предшествующих эпох, которые показали свою эффективность как онтологически, так и аксиологически. Однако на новом витке правового развития данные конструкции не просто заимствуются, а изменяются и дополняются, приспособляясь к изменившимся условиям не только нормативно, но и ценностно. Тем самым правовая реальность на новом этапе не является простым воспроизводством предшествующего состояния, а его ценностной и бытийной трансформацией, соответствующей индивидуальным, групповым и социальным интересам субъектов права в границах определенного социокультурного хронотопа [10, p. 30–56].

Правовая реальность как открытая многоуровневая социальная система предполагает необходимость упорядочивания и целеполагания правовой коммуникации, хотя степень ее целенаправленности зависит от характера. Как показано выше, если вертикальная коммуникация является целенаправленной, то горизонтальная преимущественно ситуативна. Постановка и реализация правовой цели предполагает учет не только внутренних закономерностей развития правовой реальности, но и внешних факторов, которые способны оказать на нее влияние как ситуативно, так и стратегически, в т.ч. потенциально. Это предполагает, что детерминированность правовых событий во времени носит не линейный характер, а *фрактальный* [11]. Однако оценка того или иного факта в контексте детерминации правового развития при достижении поставленной цели как точки бифуркации возможна лишь ретроспективно, поскольку исследование значимости прошлого состояния для настоящего возможно только при условии анализа последнего. Эффективность использования адресантом правового опыта определяется не его содержанием, а степенью его освоения адресатом в процессе правовой коммуникации и результатом его воздействия на трансформацию или стабилизацию правовой реальности, которые определяются правовой целью.

Неравномерность правового времени связана с особенностями восприятия временных характеристик правового развития субъектами правовой коммуникации и выражается, прежде всего, в категории темпа. С одной стороны, в период коренных социальных трансформаций ход времени резко ускоряется и правовые процессы начинают развиваться в необычном для наблюдателей темпе.

С другой стороны, темпы правового развития зависят от правового опыта и социальной роли субъекта правовой коммуникации. Для адресанта, способного оказывать воздействие на ценностные ориентации, сознание и поведение адресата, темпы правового развития ускоряются. Напротив, для адресата, неспособного оказать воздействие на развитие и функционирование сообщества в правовой реальности, такие темпы будут замедляться. При этом необходимо учитывать, что при вертикальной правовой коммуникации адресаты стремятся синхронизировать свое индивидуальное правовое время со временем адресанта, а при горизонтальной добиться его устойчивой корреляции между всеми участниками, благодаря чему конструируются темпоральные стереотипы [12]. Однако если объективно синхронизация может быть обеспечена, то субъективно скорость правовых действий адресанта и адресата будут все же различны.

Интенсивность правового времени связана с исследованием эффективности правовой коммуникации. Она позволяет рассмотреть не только актуальность и частоту применения отдельных норм права в процессе взаимодействия, но и определить юридическую силу акта правовой коммуникации в пределах пространственно-временного хронотопа, а также учесть хронологические аспекты трансформации правового регулирования. Будучи закрепленной в источнике права, норма приобретает характер действующего правила, интенциональность которого определена аксиологически. Хотя внесение изменений в содержание нормы не означает трансформации интенциональности, темпорально она приобретает форму нового акта правовой коммуникации. Интенсивность особенно характерна для транзитивных обществ, где темп правотворческой деятельности детерминирован не только intersubъективными потребностями общества, но и субъективными стремлениями референтных групп. С формально-юридической точки зрения интенсивность правовой коммуникации, статистика числа вступления субъектов в правоотношения наряду с размером издержек используется как один из важнейших показателей измерения эффективности правового регулирования, осуществляемого посредством норм позитивного права.

Интенциональность в феноменологической социологии понимается как направленность сознания (в т.ч. правосознания) на какой-либо предмет [13]. Направленность правового времени проявляется в двух аспектах. С одной стороны, интенциональность определяет перспективный и целенаправленный характер правовой коммуникации, ее ориентацию на достижение поставленных задач в будущем. В транзитивных обществах эта тенденция усиливается, что проявляется в повышении значимости в правовом регулировании актов стратегического планирования [14]. С другой стороны, интенциональность правового времени связана с социальным правовым опытом. Хотя в процессе феноменологической редукции образ прошлого искажается и может приобрести

мифологический характер, отсылка к его эталону имеет определяющее значение не только для конструирования правовой культуры, но и правового регулирования. Применительно к России это проявилось в усилении уголовной ответственности за реабилитацию нацизма (ст. 354.1 УК РФ¹).

Классификация правового времени

Исходя из специфики бытия времени в правовой реальности и его восприятия субъектами, правовое время можно разделить на три вида: хронологическое, темпоральное и концептуальное.

Хронологическое правовое время выступает как историческое время события, естественный поток событий, физическое время, биологическое время, которое в большей мере носит объективный характер и отражает внешние по отношению к правосознанию процессы.

Устанавливая временные границы и направленность действия законов, сроки в праве, датировку и последовательность событий на правотворческом или на правореализационном уровне правовой реальности, государство конструирует хронологическое правовое время. Вектор хронологического правового времени в силу его физического характера направлен от настоящего к будущему, носит перспективный характер.

Темпоральное правовое время — это социальное время субъекта, экзистенциальное время восприятия, интерпретации и оценки последовательности и направленности событий. Темпоральность, как присущее сознанию свойство, отражает восприятие мира как индивидуальным, так и социальным субъектом. В последнем случае можно говорить об intersubъективной рефлексии протяженности, последовательности и направленности правовой жизни в сознании социальной группы. При этом темпоральность различных социальных групп может не совпадать [15, с. 94–95].

Темпоральное правовое время, с нашей точки зрения, можно разделить на социальное и экзистенциальное правовое время. В первом случае речь идет об общесоциальном ощущении времени, которое может проявляться в том числе в установках коллективного бессознательного, в архетипах представлений о протекании процессов, их начале и конце, о ритмологии правовых явлений и процессов. Экзистенциальное же правовое время является имманентным потоком, который охватывает внутреннюю, индивидуальную сторону человеческого восприятия времени, обусловленную конституирующими переживаниями происходящих изменений [16, с. 23], социально-правовым опытом, наличием правовых знаний и специфическими чертами данной личности [17]. Несмотря на возможное противоречие экзистенциального и социального темпорального правового времени, идентификация индивида с определенной

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

социальной группой обуславливает необходимость достижения конвенции либо в форме подчинения экзистенциального времени социальному в случае вертикальной коммуникации, либо в форме intersubъективного образа времени при горизонтальной коммуникации.

В отличие от хронологического правового времени, которое конструируется исключительно государством, темпоральное правовое время может конструироваться не только государством, но и иными адресантами правовой коммуникации. Конструирование темпорального правового времени государством хорошо прослеживается на примере создания и применения мемориального законодательства, в результате которого формируется национальный образ прошлого, соответствующий официальной идеологии. Реальность прошлого при этом является не столько результатом интерпретации источников, сколько специфичной формой социальной конвенции, основанной на законодательстве [18]. Это позволяет рассматривать мемориальное законодательство как специфичное средство конституирования смысла событий прошлого в их интенциональной направленности.

При конструировании неофициального темпорального правового времени адресанты правовой коммуникации, транслируя адресатам правовую информацию, стремятся сформировать в их сознании образ социокультурного хронотопа, необходимого и достаточного для воспроизводства и функционирования сообщества. Вектор сконструированного при этом темпорального правового времени может быть направлен как в будущее, так и в прошлое. Чем выше степень ценностной ориентации общества на сохранение правовой традиции и опору на социальный опыт в развитии и функционировании правовой реальности, тем больше обращенность вектора темпорального времени в прошлое. При этом происходит редукция исторической правовой реальности, приобретающей мифологические черты.

В процессе конструирования темпорального правового времени горизонтально субъекты правовой коммуникации стремятся достичь intersubъективной конвенции относительно единого восприятия пределов, направленности и темпов времени, необходимых для поступательного развития сообщества. При этом в равной степени могут использоваться как перспективные, так и ретроспективные средства. Эта intersubъективная конвенция выступает в качестве «культурного образца» как феномена социального а priori, редукция которого в сознании индивида определяет особенности его поведения в пределах пространственно-временного континуума группы, с которой он себя идентифицирует [19].

Кроме того, в целях научного исследования можно выделить также концептуальное время, содержательно не совпадающее с хронологическим и темпоральным и представляющее собой исследовательскую абстракцию, необходимую для конструирования моделей временной характеристики правовой реальности и бытия в ней

человека. Концептуальное время позволяет определить степень и направление воздействия на сознание и поведение человека хронологического и темпорального времени и выявить роль времени в ценностных ориентациях субъекта.

Классическая рациональность ориентирована на хронологическое время: развитие познания носит линейный характер и является движением от прошлого к настоящему, направленному на достижение абсолютной, универсальной, завершенной конечной истины. Постклассическая рациональность ориентирована на темпоральное время: развитие познания нелинейно (прогресс может сменяться регрессом, познание проходит через точки бифуркации, которые определяют выбор и направленность дальнейшего развития не только содержательно, но и пространственно и темпорально), возможно движение познания в разных временных потоках и в разной направленности [20]. Достижение абсолютной истины в рамках данной рациональности невозможно, любая истина относительна и соответствует современному уровню научного познания и философской рефлексии [21]. Правовая реальность является открытой системой как онтологически и аксиологически, так и гносеологически. Наряду с возможностью формирования новых фактов правовой жизни и новых правовых ценностей может быть сформировано не только принципиально новое знание о них, но и разработаны принципиально новые познавательные средства.

Временная ось хронологически представляет собой направление развития правовой реальности от прошлого к настоящему, а затем к будущему. Темпорально возможно существование множества временных осей, не совпадающих между собой направленностью. Наряду с «привычным временем» субъекта (последовательность событий от прошлого к настоящему) может существовать память (последовательность событий от настоящего к прошлому). Интенционально восприятие темпорального времени может носить различный характер: линейное время, ступенчатое, спиралевидное и т.д. При этом образы темпорального времени, существующие в правосознании различных субъектов, могут не совпадать, несмотря на их синхронное существование.

В современном российском обществе представлены два основных варианта временных осей. Так, с одной стороны, предлагается темпоральная спираль, направленная на реконструкцию социалистического государства на новом этапе хронологического развития российского государства и общества. В то же время, с другой стороны, идея либерального консерватизма предполагает синтез противоположно направленных историзма и ретроспекции темпорального времени в стремлении сконструировать новое хронологическое время, основанное на вневременных правовых ценностях, в качестве которых выступают архетипы, зачастую наполняемые мифологическим смыслом и имеющие аллегорические формы выражения.

Например, идеи соборности и этатизма как ценностные ориентиры российского общества транслируются как вечные ценности, находящиеся в диалектической взаимосвязи с правами человека. Именно соборность и этатизм являются внутренними императивами, позволяющими российскому обществу обеспечить непротиворечивость прав человека с интересами общества [22].

Временная последовательность правовой реальности достаточно условна. С одной стороны, можно говорить о нормативном стремлении сконструировать хронологическое время, в частности через определение действия источников права во времени. Эта категория не только предполагает четкое определение временных границ источника права, но и определение направленности его действия. Причем в соответствии с правовой максимой «закон не имеет обратной силы» эта направленность определяется на «будущие времена», т.е. источник права распространяется на те отношения, которые возникли позже его вступления в юридическую силу, в направлении от настоящего в будущее (от прошлого к настоящему). С другой стороны, восприятие человеком тех или иных событий не всегда коррелирует с их последовательностью и характеризуется интенциональной ахронией. Индивид оценивает содержание и последовательность событий прошлого, руководствуясь их значимостью для удовлетворения его интересов в данный момент [23]. Особенно значимо обращение к прошлому в процессе социального конструирования правовой реальности [24, с. 49]. При этом индивид интенционально наполняет события прошлого смыслом, стремясь найти соотношение между прошлым опытом и ожидаемым опытом [25, р. 55]. Однако в силу идентификации индивида с определенной социальной группой интенциональность правового времени в процессе конструирования правовой реальности приобретает интерсубъективный характер.

Особенно значим этот процесс стал в условиях все большей виртуализации правовой реальности. На первый взгляд, развитие цифровых технологий позволяет более точно фиксировать содержание, датировку и последовательность событий, происходящих в правовой жизни. Однако одновременно это является и средством манипуляций и конструирования не только современной правовой реальности [26], но и исторической правовой реальности [27]. Ярким примером подобных действий можно считать развернувшееся противостояние общественного мнения, сформированного в России и странах Запада, об исторической памяти в отношении событий начала и завершения Второй мировой войны и противостоящий этой тенденции курс российского государства на «защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» (п. 8 ст. 26 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации²).

Хронологическая маркировка событий все больше приобретает темпоральный характер и обусловлена не столько стремлением реконструировать историческую память, сколько, деконструировав события прошлого, создать новый образ исторической правовой реальности, позволяющей с минимальными усилиями реализовать цели правовой политики в современной реальности [28]. Композиционно выстраивается образ реальности, который будет максимально понятен современнику и будет выполнять задачи по укреплению официальной правовой доктрины (даже в случае отсутствия ее нормативного закрепления). При этом степень релевантности реальным событиям прошлого совершенно не значима. Усиление восприятия исторической памяти обеспечивается ее персонификацией, усилением внимания к жизни и деятельности отдельного субъекта, через призму которых события прошлого очеловечиваются и приобретают более близкий зрителю или читателю вид. Это видно по росту популярности «исторических» фильмов в последние годы, в которых обязательно присутствует героический образ как символический эталон субъекта, чье правовое поведение обеспечивает воспроизводство правовой реальности.

Хронологическое время в данном случае явно уступает место темпоральному. Конструируемая историческая память не претендует на объективность, она представляет собой интерсубъективный конвенциональный образ, который создается референтной группой и транслируется в массы с помощью цифровых технологий. Виртуальное пространство в этой ситуации выступает не только медиатором между человеком и историей, но и модератором социальной памяти, согласовывая хронологическое время-память и темпоральное время-восприятие.

Темпоральное время-восприятие, по нашему мнению, является достаточно важным средством легитимации права и правовой реальности в целом. Нормальный ритм человеческого существования в рамках общей социальной ритмологии культуры [29, с. 118] предполагает заданность временных процессов в правовой реальности. Это касается множества сторон общественной жизни, так или иначе опосредованных нормами права: создание семьи и рождение детей, трудовая деятельность во всех проявлениях, обязательства и их исполнение, получение социальных пособий. Правовое время отражает процессы смены форм бытия правовых явлений (правоотношений, юридических фактов, форм и источников права, правового поведения), продолжительность их существования, начала, окончания, длительности, ритмичности, синхронности, конкретного момента правовых явлений [30, с. 20].

Нарушение ритмов, к которым привыкло большинство членов данного социума, чревато формированием напряженности и недоверия к правовым институтам. В связи с этим решения, принимаемые правотворческими органами и правящей элитой в целом, могут по-разному воздействовать на легитимацию права [31]. В некоторых случаях можно наблюдать относительно успешную

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (Ч. 2). Ст. 5351.

попытку замещения праздничных дат (7 ноября на 4 ноября), в других (как в ситуации с проведением пенсионной реформы в 2018 г.) введение новых временных циклов вызывает скрытое неприятие, которое может переноситься и на иные правовые институты.

В то же время реформы и изменения в правовой реальности — неотъемлемый аспект ее развития. Правовая реальность может существовать, только постоянно развиваясь и изменяясь. В силу динамичности правовой реальности, обусловленной постоянными изменениями в общественных отношениях, социальном и индивидуальном правосознании, корректировка соответствующих правил и практик поведения должна проводиться своевременно, учитывая, что в российской правовой системе, как звене романно-германской правовой семьи, нормы официального права предпосылаются ситуации и поведению. В случае же рассогласования нормы и правового поведения происходит дестабилизация правопорядка в целом.

Особенности правового времени в России

Российское право в целом носит проспективный характер, действуя в отношении возможных будущих событий и деяний. Обращенность в будущее позволяет говорить о попытке либо укрепить сложившееся регулирование, которое доказало свою эффективность, либо сформировать новый образ правоотношений в будущем [32]. Последнее особенно возможно в случае, когда общество находится на одном из переломных моментов развития и правовая реформа выглядит неизбежной. В то же время, несмотря на романно-германские традиции, в качестве исключений допускается и ретроспективное действие тех или иных норм права. Однако в целях реализации принципа справедливости и сохранения легитимности правовой системы в целом ретроспекция возможна лишь в тех случаях, когда правовое положение субъекта отношений улучшается [33]. Типичными примерами служат ситуации с приданием обратной силы тем нормам уголовного, административного и налогового права, которые снижают или устраняют соответствующую юридическую ответственность или, как в налоговом праве, уменьшают размер налоговых обязательств или отменяют их.

Антиципация, программирование поведения на будущее в проспективной системе имеет и ряд негативных моментов. Во-первых, общий и абстрактный характер нормы права не всегда позволяет не только предусмотреть, но и сформулировать правило надлежащим образом, чтобы впоследствии не возникло пробела в праве с вытекающими из этого последствиями в виде трудностей правоприменения. Во-вторых, программирование может входить в противоречие с устоявшимися практиками поведения — как правового, так и социального в целом, в том числе с неформальным правом. Соответствующая коллизия может вызвать всплеск попыток ухода от правовых путей решения юридических конфликтов, рассогласование практик поведения в плане удовлетворения

своих интересов. В качестве типичного примера можно привести вводимые в период пандемии ограничительные правовые средства, которые приводят к падению предпринимательского оборота, изменению привычного образа жизни людей, даже к противоправному коррупционному поведению (покупка справок, QR-кодов). В-третьих, антиципация не всегда может соответствовать будущей реальной обстановке в силу принципиальной неопределенности и невозможности спрогнозировать факторы, которые могут возникнуть в будущем.

Несмотря на проспективность действия российского права, тем не менее, оценка конкретных обстоятельств дела, которая осуществляется в рамках правоприменительного процесса, да и в принципе при анализе любой ситуации, носит ретроспективный характер. Это означает, что соответствующие субъекты исследуют не настоящее, а прошлое, причем с помощью только тех правовых средств, которые обозначены в законодательстве. Это требует постоянного обращения в прошлое и выбора наиболее оптимальных путей установления его истинного содержания. Тем не менее, в силу смешанного, субъективно-объективного характера восприятия событий сознанием человека, здесь кроются сложности онтологического характера — а именно неспособность установить абсолютную истину и способность довольствоваться относительной. Более того, современное процессуальное законодательство отказалось от цели установления истины в рамках судопроизводства, что говорит о попытке сделать процесс более эффективным и сжатым по срокам. Во многом указанное явление коррелирует с неким ритуалом, образом рассмотрения и разрешения дела, который внешне должен соответствовать предъявляемым требованиям, тогда как содержательно он может и не отражать правовую реальность. Тем не менее данная проблема может обрести в будущем ряд новых средств решения. Прежде всего, это все большая фиксация с помощью цифровых средств юридически значимых действий, которая позволит более точно устанавливать реальные события и деяния.

Правовое время в России обусловлено соответствующими архетипами сознания крестьянства, которое составляло подавляющее большинство населения страны до 1930-х гг. В определенной форме архетипические представления крестьянства России сохраняются в массовом сознании и по настоящий момент времени. Социальное время для российской деревни во многом было сформировано под воздействием климатических факторов, соответствующих агрокалендарей, а также церковных служб и праздников. В то же время небольшая часть населения, прежде всего городского, ориентировалась на ценности западного порядка. Доля последних в XX в. подросла, но тем не менее составляет меньшинство. Именно поэтому осевое правовое время в России обращено концептуально в прошлое, тем самым выступая значимым элементом процесса легитимации и формирования

правопорядка в рамках заданной системы идеологических координат. Перестроение системы правового времени в ином ключе пока не находит поддержки среди широких масс глубинного народа.

В связи с этим проблема правового времени может быть соотнесена с вопросами правового трансфера, рецепции норм зарубежного права [34]. Рассогласование во временных характеристиках между сложившимися практиками и заимствованными нормами зарубежного права может привести к ряду негативных последствий, в частности к недостаточному восприятию новых институтов в правосознании, к попыткам обойти вводимые в действие рецептированные нормы посредством неформального права. Как итог, правопорядок подвергается воздействию ряда угроз.

Правовое развитие России в силу этатизма и соборности является дихотомичным.

С одной стороны, будучи обусловлено дисциплинарными ритмами, которые являются результатом социального конструирования, специально создаются и вводятся носителями власти для поддержания порядка, необходимого для обеспечения бесконфликтного сосуществования не только в правовом, но и в социальном пространстве. При этом оно ориентировано в будущее и создает стандарты поведения, необходимые для последующего поступательного развития. Этот вид правового времени можно с некоторой долей условности назвать официальное правовое время (календарное правовое время, имеющие хронологические характеристики).

С другой стороны, правовое время обеспечивает согласование коллективного поведения в диахронном контексте. Для поддержания внутригруппового и межгруппового бесконфликтного сосуществования важно не то, когда сформировалось то или иное правило, а насколько оно эффективно для социального взаимодействия. Временной вектор при этом ориентирован в прошлое и показывает реализацию модели в поведении предыдущих поколений. По аналогии с предыдущим этот вид правового времени мы обозначаем как неофициальное правовое время (социальным правовым временем и индивидуальным правовым временем, имеющим темпоральные характеристики).

В совокупности это позволяет рассматривать правовое время не только онтологически [35], но и аксиологически [36].

Государство в лице референтных групп, конструируя правовую реальность, конституирует официальное правовое время ее существования и функционирования. Это достигается путем создания пространственного действия правового времени. При этом государство не только определяет порядок реализации временных характеристик в различных правовых ситуациях, но и определяет санкции в случае нарушения законодательно установленных правил [37]. Однако, устанавливая хронологические границы поведения адресата, адресант стремится не только к их легальности, но и легитимности. Это хорошо видно

на примере реестра праздничных дней (ст. 112 Трудового кодекса РФ³), в который включены не только события, имеющие ценностное значение для государства (День Победы, День народного единства), но и значимые для общества (Новый год) или отдельных социальных групп (День Защитника Отечества, Рождество).

В России правовое регулирование вопросов времени осуществляется, прежде всего, на основании Федерального закона «Об исчислении времени»⁴, целью которого является не только «определение правовых основ исчисления времени» (п. 1 ч. 2 ст. 1), но и «обеспечение потребностей граждан, общества и государства в достоверной информации о времени и календарной дате» (п. 2 ч. 2 ст. 1). При этом «особенности распространения информации о точном значении времени и календарной дате в период мобилизации, в период военного положения и в военное время устанавливаются Правительством Российской Федерации» (ч. 4 ст. 6).

Однако роль позитивного права не ограничивается лишь решением календарных вопросов организации и функционирования государства и общества. Наряду с количественными параметрами, право регулирует и качественные модусы социального бытия. Например, Трудовой кодекс РФ, определяя сущностное различие рабочего времени и времени отдыха (ст. 91, 106), тем самым структурирует индивидуальное время человека.

Особенно значимым для развития правовой реальности является законодательное определение перечня праздничных дней (ст. 112 ТК РФ). Речь идет не только о нормативном определении индивидуального и социального времени, но и об особом способе правовой легитимации. Благодаря закреплению в законодательстве праздничных дней, формируется образ патриархально-патерналистского государства, которое обеспечивает преемственность в восприятии и функционировании традиционных правовых ценностей. Так, празднование Дня Победы должно формировать в обществе не только чувство патриотизма, но и способствовать осознанию соборности, ибо только коллективными усилиями возможно преодоление угрозы уничтожения России как общества и государства, и этатизма, поскольку именно государство смогло объединить общество в противостоянии внешней угрозе.

Кроме того, в контексте официального правового времени можно рассматривать мемориальное законодательство⁵, выступающее как фрейм национальной памяти

³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.11.2021) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

⁴ Федеральный закон от 03.06.2011 № 107-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «Об исчислении времени» // Собрание законодательства РФ. 06.06.2011. № 23. Ст. 3247.

⁵ См. напр.: Постановление ГД ФС РФ от 11.11.2021 № 126-8 ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации „Трехсотлетие становления Российской Империи — важная веха в непрерывной истории российской государственности“ // Собрание законодательства РФ. 15.11.2021. № 46. Ст. 7667.

и призванное не только сконструировать единую ретроспективную систему правовых ценностей как «цементирующий» элемент национальной идентификации [38], но и задать консервативный модус правового бытия, его ориентированность в прошлое не только темпорально, но и хронологически.

Воспринимая сформированные исторически правовые ценности и нормы сообщества, индивид формирует в сознании диахронный образ ценностных ориентаций, необходимых для его воспроизводства и функционирования. Правовая традиция выступает при этом не только средством идентификации, но и легитимации как в прошлом, так и в настоящем. Прошлое воспринимается как пример, а также как эталон, актуализирующийся в настоящем и придающий ему необходимую стабильность в обеспечении бесконфликтного социального сосуществования внутригруппового и межгруппового характера. Сконструированная государством национальная память представляет собой цельный и непротиворечивый образ прошлого, обеспечивающий ценностное единство общества на конвенциональной основе. Если для постсоветских государств такой образ носит характер «покаяния» [39], то для России, напротив, уважение к опыту прошлого является залогом гармоничного развития правовой реальности в будущем. Так, одной из национальных целей, провозглашенных Президентом РФ в 2020 г., является «создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций» (п. «б» ст. 2)⁶.

В наибольшей степени особенности функционирования официального правового времени проявляются в юридическом процессе как в нормативном, так и в правоприменительном смысле. Юридический процесс, прежде всего, судебный, характеризуется его внутренней упорядоченностью не только структурно, но и хронологически.

В хронологическом контексте юридический процесс можно представить как совокупность нескольких временных компонентов: (1) хронологическая последовательность процессуальных действий, закрепленных законодательно; (2) хронологические параметры сроков реализации процессуальных действий; (3) хронологическая цикличность процессуальных действий в случае пересмотра правоприменительного решения; (4) хронологически определенная скорость процессуальных действий; (5) своевременность как «имманентное свойство любой правовой деятельности, урегулированной правом, которое нормативно используется при регулировании деятельности государственных органов и должностных лиц» [40, с. 61]. Вопрос об официальных юридических сроках, закрепляемых в законодательстве, смыкается также и с проблематикой юридических процедур, которые предстают как строгая последовательность

юридически значимых действий. Процедура может касаться сроков как в материальном, так и процессуальном праве [41]. Временные компоненты будут характерны и для других видов юридической процедуры, связанных с официальным правовым временем: правотворческой и избирательной.

Неофициальное правовое время в России связано с внутренней темпоральностью человека. Правовое время является трансцендентально-смысловым фактором конституирования правовой реальности в сознании индивида [42]. Рефлексия социального и индивидуального правового опыта формирует в сознании человека ценностные ориентиры, являющиеся основой корреляции его правовых действий и сконструированного в сознании образа правовой реальности [43], который носит диахронный характер и зачастую является результатом социального или индивидуального мифотворчества [44]. Осуществляя редукцию исторической правовой реальности, индивид конструирует интенциональные пары этического характера, которые определяют его отношение к правовой жизни и своему месту в ней. Социальная идентификация индивида при этом опосредует интерсубъективность ценностных ориентаций как отдельных действий человека, так и его правового поведения в целом.

Благодаря темпоральности в сознании субъекта происходит синтез памяти, в т.ч. исторической памяти, внешней по отношению к человеку, и события непосредственной жизни субъекта. Однако для человека важнее не сам исторический факт, имеющий хронологические характеристики, а его позитивный образ, являющийся условием дальнейшего поступательного развития и выступающий в качестве эталона правового поведения и средства конструирования социальной идентификации. Темпоральность этого образа определяется интерсубъективными, конвенциональными особенностями его формирования [45]. Соблюдение при этом хронологической истины менее значимо, чем степень воздействия на сознание и поведение субъекта и бесконфликтное социальное существование, достигнутое в темпоральной перспективе.

ВЫВОДЫ

Таким образом, правовое время является социальным конструктом, который складывается в процессе правовой коммуникации и выступает специфичной модификацией общеправового понятия времени. Правовое время можно определить как философско-правовую категорию, выражающую период, темп и вектор правовой коммуникации. Содержание правового времени раскрывают его свойства: предельность, непрерывность, цикличность, фрактальность, неравномерность, интенсивность и интенциональность.

Как социальный конструкт правовое время является результатом социальной конвенции и носит интерсубъективный характер. Интенция правового времени

⁶ Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Российская газета. 2020. 22 июля. № 159.

в правосознании детерминирована характером правовой коммуникации и ролью в ней индивида. Отражая динамический аспект правовой реальности, правовое время характеризует направленность, темп и последовательность как отдельных актов, так и правовой коммуникации в целом. При этом происходит редукция социального правового опыта и определяется вектор правового взаимодействия.

Эвристический потенциал категории правового времени состоит в актуализации проблемы фактора протяженности правовой коммуникации, который феноменологически рассматривается с точки зрения восприятия времени человеческим сознанием как на индивидуальном, так и на групповом и массовом уровнях. Сказанное принципиально отличается от принятого в юридическом позитивизме подхода к вопросам времени с точки зрения внешних, физических сроков действия, реализации норм права. Благодаря особым конструкциям и символизму время в правовой реальности обретает особые свойства, позволяющие говорить о его самостоятельном значении.

Как выражение хронологии, последовательности, объективного и субъективного отражения протекания юридических фактов, правовое время определяет темпоральный вектор развития и функционирования правовой реальности. Исходя из специфики бытия времени в правовой реальности и его восприятия субъектами, правовое время может быть классифицировано на хронологическое, отражающее текущие правовые процессы; темпоральное, в большей степени демонстрирующее ощущение времени как со стороны социума, так и индивидуума; концептуальное время стратегического осмысления временной оси правового развития общества.

Особенностью правового времени в России является его восприятие и функционирование в качестве консервативно ориентированной модели организации правовой реальности, которая основана на представлении о миропорядке и правопорядке в строго определенной правовой традиции, обусловленной особенностями функционирования правового пространства и формами передачи правового опыта. Право при этом регулирует не столько социальное время, сколько темпоральные параметры деятельности человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пилипенко Е.А. Социальное время: онтологический аспект // Вестник ПАГС. 2014. № 5(44). С. 99–106.
2. Волк И.В. Право, время и пространство: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 23 с.
3. Тенилова Т.Л. Пространство и время в правовой системе общества: монография. Н. Новгород: Печатная Мастерская РА-ДОНЕЖ, 2014. 196 с.
4. Догадайло Е.Ю. Время и право: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2013. 55 с.
5. Muzetto L. Time and Meaning in Alfred Schutz // *Time & Society*. 2006. № 15. P. 5–31. DOI: 10.1177/0961463X06061334.
6. Brose H.-G. Towards a Culture of Non-simultaneity? // *Time & Society*. 2004. № 13(1). P. 5–26. DOI: 10.1177/0961463X04040740.
7. Schutz A., Gurwitsch A. *Philosophers in Exile: The Correspondence of Alfred Schutz and Aron Gurwitsch, 1939–1959*. Bloomington: Indiana University Press, 1989. XXXVIII. 341 p.
8. Максимова О.Д. Законотворчество в Советской России в 1917–1922 годах. М.: Зерцало-М, 2011. 404 с.
9. Курышев Е.Ю. Традиции и инновации как парные правовые категории // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2(109). С. 153–157.
10. Valverde M. *Chronotopes of Law: Jurisdiction, Scale and Governance*. Abingdon, New York: Routledge, 2015. X. 188 p.
11. Меньчиков Г.П. Детерминизм XXI: проблемы и решения. М.: Спутник+, 2015. 96 с.
12. Нестик Т.И. Социальное конструирование времени // *СоцИс*. 2003. № 8. С. 12–21.
13. Сакаева З.Л. Интенциональность как субстанциальное свойство феномена правосознания // Вестник Омского университета. 2017. № 3(85). С. 70–74. DOI 10.25513/1812-3996.2017.3.70-74.
14. Гвоздева А.А. Роль актов стратегического планирования в системе конституционно-правового регулирования // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 19–24. DOI: 10.14258/ralj(2020)2.4.
15. Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*. London: Penguin Books, 1991. 250 p.
16. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 332 с.
17. Айрапетов Р.Г., Зимина С.В. Индивидуальное время личности (исторические, философские и медицинские аспекты) / Под ред. С.И. Рапопорта. М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2013. 200 с.
18. Knights D., Yakhlef A. Time, Self and Reified Artefacts // *Time & Society*. 2005. № 2/3. P. 283–302.
19. Баньковская С.П. Темпоральная феноменология Инакости у А. Шюца (или рождение феноменологического социологизма) // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 212–225. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-212-225.
20. Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2013. № 4. С. 45–59.
21. Агафонова Т.П. Фактор рациональности и правовое время в контексте политико-правовых процессов // *Власть*. 2010. № 12. С. 112–115.
22. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Российский правовой архетип: сущность и содержание // *Российский журнал правовых исследований*. 2015. № 4(5). С. 28–33. DOI: 10.17816/RJLS18073.

23. Мишук Р.В. Структура экзистенции социального времени и правовое время как форма человеческого понимания и взаимопонимания // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 10. С. 79–82.
24. Schutz A. *The Phenomenology of the Social World*. Evanston: Northwestern University Press, 1967. XXXVI. 255 p.
25. Schutz A., Luckmann T. *The Structures of the Life-world*. Vol. 1. Evanston: Northwestern University Press, 1973. XXIX. 235 p.
26. Газизов Р.Р. Правовое время человека в контексте исследования информационного пространства современной России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 4(78). С. 54–56.
27. Живой А.С. Компоненты конструирования социальной памяти // Социально-гуманитарное знание. 2017. № 7. С. 222–228.
28. Belavusau U., Gliszczyńska-Grabias A. The Remarkable Rise of “Law and Historical Memory” in Europe: Theorizing Trends and Prospects in Recent Literature // *Journal of Law and Society*. 2020. Vol. 47. Iss. 2. P. 325–338.
29. Ритмология культуры: очерки / Под ред. Ю.Ю. Ветютнева, А.И. Макарова, Д.Р. Яворского. СПб.: Алетейя, 2012. 280 с.
30. Сигалов К.Е. Среда права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. 54 с.
31. Скоробогатов А.В., Али Аббуд Малик. Легитимация закона в юридическом дискурсе // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13. № 3. С. 1370–1378. DOI: 10.21202/1993-047X.13.2019.3.1370-1378.
32. Двойничков Ю.А. Объект правоотношения в контексте правового времени // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 1(23). С. 29–36.
33. Краснов А.В. Легитимность права: аксиологический аспект // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 87–90.
34. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: понятие и структура // История государства и права. 2017. № 7. С. 54–58.
35. Capatina O. *Essai sur les notions de temps et d'espace en droit* // *Sciences Juridiques*. 1987. Vol. 31. № 1. P. 45–52.
36. Павлов А.В. Закон и право: два образа «общего блага» в аспекте социального времени: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Великий Новгород, 2005. 24 с.
37. Краснов А.В. Санкция в правовой реальности России: уровневое исследование // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1. С. 39–45.
38. Матусевич О.А. Мемориальное законодательство: генезис и противоречия // Труды БГТУ. История, философия, филология. 2014. № 5. С. 116–118.
39. Bernhard M., Kubik J. *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. New York: Oxford University Press, 2014. XX. 262 p.
40. Догадайло Е.Ю. Модернизация временных параметров правоприменительной деятельности в Российской Федерации: влияние европейской практики // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2013. № 2(19). С. 61–66.
41. Протасов В.Н. Теория юридической процедуры: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. М.: Юрайт, 2020. 105 с.
42. Гуссерль Э., Шнелль А. Феноменология времени / пер, ред., коммент.: Г. Чернавин, М. Белоусов. М.: РИПОЛ классик; Панглосс, 2019. 310 с.
43. Войде Е.Г. Временной фактор и права человека: темпоральный аспект правовой реальности // *Пространство и время*. 2012. № 1(7). С. 93–98.
44. Скоробогатов А.В. Правовой миф как средство социальной идентификации // История государства и права. 2021. № 8. С. 10–16. DOI: 10.18572/1812-3805-2021-8-10-16.
45. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. *Время социальной общности: монография*. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017. 347 с.

REFERENCES

1. Pilipenko EA. Social'noe vremya: ontologicheskij aspekt. *Vestnik PAPS*. 2014;5(44):99–106. (In Russ.).
2. Volk IV. Pravo, vremya i prostranstvo: teoreticheskij aspekt: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2004. 23 p. (In Russ.).
3. Tenilova TL. Prostranstvo i vremya v pravovoj sisteme obshchestva: monogr. N. Novgorod: Pechatnaya Masterskaya RA-DONEZH, 2014. 196 p. (In Russ.).
4. Dogadajlo EYu. Vremya i pravo: teoretiko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk. Moscow, 2013. 55 p. (In Russ.).
5. Muzzetto L. Time and Meaning in Alfred Schutz. *Time & Society*. 2006;(15):5–31. DOI: 10.1177/0961463X06061334.
6. Brose H.-G. Towards a Culture of Non-simultaneity? *Time & Society*. 2004;13(1):5–26. DOI: 10.1177/0961463X04040740.
7. Schutz A, Gurwitsch A. *Philosophers in Exile: The Correspondence of Alfred Schutz and Aron Gurwitsch, 1939–1959*. Bloomington: Indiana University Press, 1989. XXXVIII. 341 p.
8. Maksimova OD. *Zakonotvorchestve v Sovetskoj Rossii v 1917–1922 godah*. Moscow: Zercalo-M, 2011. 404 p. (In Russ.).
9. Kuryshv EYu. Tradicii i innovacii kak parnye pravovye kategorii. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii*. 2016;2(109):153–157. (In Russ.).
10. Valverde M. *Chronotopes of Law: Jurisdiction, Scale and Governance*. Abingdon, New York: Routledge, 2015. X. 188 p. (In Russ.).
11. Men'chikov GP. *Determinizm XXI: problemy i resheniya*. Moscow: Sputnik +, 2015. 96 p. (In Russ.).
12. Nestik TI. Social'noe konstruirovanie vremeni. *SocIs*. 2003;(8): 12–21. (In Russ.).
13. Sakaeva ZL. Intencional'nost' kak substancial'noe svojstvo fenomena pravosoznaniya. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2017;3(85):70–74. DOI 10.25513/1812-3996.2017.3.70-74. (In Russ.).
14. Gvozdeva AA. Rol' aktov strategicheskogo planirovaniya v sisteme konstitucionno-pravovogo regulirovaniya. *Rossijsko-aziatskij pravovoj zhurnal*. 2020;(2):19–24. DOI: 10.14258/ralj(2020)2.4. (In Russ.).
15. Berger PL, Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*. London: Penguin Books, 1991. 250 p.

16. Shyutc A. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sociologii. Sost. A.Ya. Alhasov; per. s angl. A.Ya. Alhasova, N.Ya. Mazlumyanovoj. Moscow: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2003. 332 p. (In Russ.).
17. Ajrapetov RG., Zimina SV. Individual'noe vremya lichnosti (istoricheskie, filosofskie i medicinskie aspekty). Ed. by S.I. Rapoport. Moscow: OOO «Medicinskoe informacionnoe agentstvo», 2013. 200 p. (In Russ.).
18. Knights D, Yakhlef A. Time, Self and Reified Artefacts. *Time & Society*. 2005;(2/3):283–302.
19. Ban'kovskaya SP. Temporal'naya fenomenologiya Inakosti u A. Shyuca (ili rozhdienie fenomenologicheskogo sociologizma). *Vestnik RUDN. Ser. Sociologiya*. 2020;20(2):212–225. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-212-225. (In Russ.).
20. Stepin VS. Tipy nauchnoj racional'nosti i sinergeticheskaya paradigma. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika*. 2013;(4):45–59. (In Russ.).
21. Agafonova TP. Faktor racional'nosti i pravovoe vremya v kontekste politiko-pravovyh processov. *Vlast'*. 2010;(12):112–115. (In Russ.).
22. Skorobogatov AV, Krasnov AV. Rossijskij pravovoj arhetip: suščnost' i sodержanie. *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij*. 2015;4(5):28–33. DOI: 10.17816/RJLS18073. (In Russ.).
23. Mishchuk RV. Struktura ekzistencii social'nogo vremeni i pravovoe vremya kak forma chelovecheskogo ponimaniya i vzaimoponimaniya. *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2017;(10):79–82. (In Russ.).
24. Schutz A. *The Phenomenology of the Social World*. Evanston: Northwestern University Press, 1967. XXXVI. 255 p.
25. Schutz A, Luckmann T. *The Structures of the Life-world*. Vol. 1. Evanston: Northwestern University Press, 1973. XXIX. 235 p.
26. Gazizov RR. Pravovoe vremya cheloveka v kontekste issledovaniya informacionnogo prostranstva sovremennoj Rossii. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2017;4(78):54–56. (In Russ.).
27. Zhivoj AS. Komponenty konstruirovaniya social'noj pamyati. *Social'no-gumanitarnoe znanie*. 2017;(7):222–228. (In Russ.).
28. Belavusau U, Gliszczyńska-Grabias A. The Remarkable Rise of “Law and Historical Memory” in Europe: Theorizing Trends and Prospects in Recent Literature. *Journal of Law and Society*. 2020;47(2):325–338.
29. Ritmologiya kul'tury: ocherki. Ed. by Yu.Yu. Vetyutneva, A.I. Makarova, D.R. Yavorskogo. Saint-Petersburg: Aletejya, 2012. 280 p. (In Russ.).
30. Sigalov KE. Sreda prava: avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk. Moscow, 2010. 54 p. (In Russ.).
31. Skorobogatov AV, Ali Abbud Malik. Legitimaciya zakona v juridicheskom diskurse. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. 2019;13(3):1370–1378. DOI: 10.21202/1993-047X.13.2019.3.1370-1378. (In Russ.).
32. Dvojnichkov YuA. Ob'ekt pravootnosheniya v kontekste pravovogo vremeni. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 2014;1(23):29–36. (In Russ.).
33. Krasnov AV. Legitimnost' prava: aksiologicheskij aspekt. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii*. 2019;(1):87–90. (In Russ.).
34. Skorobogatov AV, Krasnov AV. Pravovaya real'nost' Rossii: ponyatie i struktura. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2017;(7):54–58. (In Russ.).
35. Capatina O. Essai sur les notions de temps et d'espace en droit. *Sciences Juridiques*. 1987;31(1):45–52. (In Russ.).
36. Pavlov AV. Zakon i pravo: dva obraza «obshchego blaga» v aspekte social'nogo vremeni: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Velikij Novgorod, 2005. 24 p. (In Russ.).
37. Krasnov AV. Sankciya v pravovoj real'nosti Rossii: urovnevoe issledovanie. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. 2015;(1):39–45. (In Russ.).
38. Matusevich OA. Memorial'noe zakonodatel'stvo: genezis i protivorechiya. *Trudy BGTU. Istoriya, filosofiya, filologiya*. 2014;(5):116–118. (In Russ.).
39. Bernhard M, Kubik J. *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. New York: Oxford University Press, 2014. XX. 262 p.
40. Dogadajlo EYu. Modernizaciya vremennyh parametrov pravoprimenitel'noj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii: vliyanie evropejskoj praktiki. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5: YUrisprudence*. 2013;2(19):61–66. (In Russ.).
41. Protasov VN. *Teoriya juridicheskoj procedury: ucheb. posobie dlya vuzov*. 2-e izd., ispr. Moscow: YUrajt, 2020. 105 p. (In Russ.).
42. Gusserl' E, SHnell' A. Fenomenologiya vremeni. Per., red., komment.: G. Chernavin, M. Belousov. Moscow: RIPOL klassik; Pangloss, 2019. 310 p. (In Russ.).
43. Vojde EG. Vremennoj faktor i prava cheloveka: temporal'nyj aspekt pravovoj real'nosti. *Prostranstvo i vremya*. 2012;1(7):93–98. (In Russ.).
44. Skorobogatov AV. Pravovoj mif kak sredstvo social'noj identifikacii. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2021;8:10–16. DOI: 10.18572/1812-3805-2021-8-10-16. (In Russ.).
45. Ambarova PA, Zborovskij GE. *Vremya social'noj obščnosti: monogr.* Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2017. 347 p. (In Russ.).

ОБ АВТОРАХ

***Андрей Валерьевич Skorobogatov**, профессор, доктор исторических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-5367>; eLibrary SPIN: 8894-1939; ResearcherID: J-4391-2016; Scopus Author ID: 56682737200; e-mail: av.skorobogatov@mail.ru
Александр Валерьевич Krasnov, кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9934-4975>; eLibrary SPIN: 3971-7305; e-mail: field08@mail.ru

AUTHOR INFORMATION

***Andrey V. Skorobogatov**, professor, doctor of history sciences, associate professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-5367>; eLibrary SPIN: 8894-1939; ResearcherID: J-4391-2016; Scopus Author ID: 56682737200; e-mail: av.skorobogatov@mail.ru
Alexandr V. Krasnov, candidate of the law, associate professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9934-4975>; eLibrary SPIN: 3971-7305; e-mail: field08@mail.ru

* Автор, ответственный за переписку / Corresponding author